

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Покой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146693

Аннотация

«Умирал важный, старый сановник, большой барин, любивший жизнь. Умирать ему было трудно: в Бога он не верил, зачем умирает – не понимал, и ужасался ужасом безумным. Было страшно смотреть на него, как он мучился.

Позади умирающего сановника была большая, богатая, интересная жизнь, в которой не оставались праздными сердце и мысль и получали свое удовлетворение. И устали сердце и мысль, устало все пожившее, тихо холодеющее тело...»

Леонид Андреев

Покой

Умирал важный, старый сановник, большой барин, любивший жизнь. Умирать ему было трудно: в Бога он не верил, зачем умирает – не понимал, и ужасался ужасом безумным. Было страшно смотреть на него, как он мучился.

Позади умирающего сановника была большая, богатая, интересная жизнь, в которой не оставались праздными сердце и мысль и получали свое удовлетворение. И устали сердце и мысль, устало все пожившее, тихо холодеющее тело. Глаза устали смотреть даже на прекрасное – насытилось зрение; и ухо стало слышать, и сама радость сделалась тяжелою для утомленного сердца. И пока был сановник на ногах, о смерти он помышлял даже с некоторым удовольствием: отдохну, по крайней мере, – думал он; перестанут целовать, уважать и ходить с докладами, – думал он с удовольствием. Да, думал... а вот когда свалился он на смертный одр, то стало невыносимо больно и ужасно до последнего ужаса.

Хотелось пожить еще, – хоть немного, хоть до будущего понедельника или, еще лучше, до среды или до четверга. Однако настоящего дня, в который он умер, он так и не узнал, хотя их всего только семь в неделе: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота и воскресенье.

Тут-то, в этот самый неизвестный день, и пришел к санов-

нику черт, обыкновенный черт, каких много. В дом он вошел под видом священника, ладана и свечей, но умершему представал во всей своей святой правде. Сановник сразу догадался, что черт пришел неспроста, и обрадовался: раз существует черт, то смерти настоящей нет, а есть какое-то бессмертие. В крайнем же случае, если нет бессмертия, то можно продлить и эту жизнь, продав душу на выгодных условиях. Это было очевидно, а от испуга совсем ясно.

Но черт имел вид усталый и недовольный, долго не начинал разговора и оглядывался брезгливо и кисло, как будто не туда попал. Это обеспокоило сановника, и он поскорее предложил черту сесть; но, и усевшись, черт продолжал глядеть все так же кисло и молчал.

«Вот они какие, – думал сановник, потихоньку разглядывая чуждое, более чем иностранное лицо посетителя. – Ну и противная же харя, Господи! Я думаю, что и там он не считается красивым».

А вслух сказал:

– А я вас не таким представлял.

– Что? – недовольно спросил черт и кисло сморщился.

– Не таким вас представлял.

– Пустяки.

Ему все это говорили при первом знакомстве, и надоело слышать одно и то же. А сановник думал: «Не предлагать же ему чаю или вина, – у него и пасть такая, что пить он не может».

– Вот вы и умерли... – начал черт лениво и скучно.

– Ну что вы! – возмутился и испугался сановник. – Я вообще еще не умирал.

– Другому скажите, – равнодушно огрызнулся черт и продолжал: – Вот вы и умерли... так что же нам теперь делать? Дело серьезное, и вообще надо же этот вопрос решить.

– Но неужели это – правда: я уже умер? – ужасался сановник. – Ведь мы же... разговариваем.

– Ну, а когда вы едете на ревизию, вы сразу попадаете в вагон? Вы еще сидите на станции.

– Так, значит, это – станция.

– Ну да. А то что же?

– Понимаю, понимаю. Значит, вот это уже не я. А где же я, то есть мое тело?

Черт неопределенно мотнул головой:

– Недалеко. Вас сейчас обмывают теплой водой.

Чиновнику стало стыдно; вспомнил некрасивые, жирные складки на пояснице, и стало еще стыднее. Он знал, что покойников обмывают женщины.

– Глупый обычай, – сказал сановник сердито.

– Ну, уж это – ваше дело, а я тут ни при чем. Но, однако, я попросил бы вас перейти к вопросу, а то времени мало. Вы очень быстро портитесь.

– В каком смысле? – похолодел сановник. – В... в обыкновенном?

– Ну да. А то в каком же? – с горькой иронией передразнил

его черт. – Мне, извините, ваши вопросы надоели. Извольте выслушать внимательно, что я вам изложу, – повторять не стану.

И в очень скучных выражениях, тягучим голосом повторяя то, что, видимо, самому ему надоело до последней степени, черт изложил следующее. Для старого, важного, уже скончавшегося сановника есть две возможности: или пойти в окончательную смерть, или же в особенную, несколько странную и даже подозрительную жизнь, – как он хочет, как он выберет. Если он выберет первое, – смерть, – то для него наступит вечное небытие, молчание, пустота...

«Господи, это и есть то самое ужасное, чего я так боялся», – думал сановник.

– Ненарушимый покой... – продолжал черт, с некоторым любопытством разглядывая незнакомый потолок. – Вы исчезнете бесследно, ваше существование прекратится абсолютно, вы никогда не будете говорить, думать, желать, испытывать боль или радость, никогда больше не произнесете «я», – вы исчезнете, погаснете, прекратитесь, понимаете, станете ничто...

– Нет, нет, не хочу! – крикнул сановник.

– Но зато покой, – наставительно сказал черт. – Это, знаете, тоже чего-нибудь стоит. Уж такой покой, что лучше придумать нельзя, сколько ни думайте.

– Не хочу покоя, – решительно сказал сановник, а усталость отозвалась в мертвом сердце мертвою мольбою: «Дай-

те покоя, покоя, покоя».

Черт пожал волосатыми плечами и утомленно продолжал, как приказчик в модном магазине к концу бойкого торгового дня:

– Но, с другой стороны, я имею вам предложить вечную жизнь...

– Вечную?

– Ну да. В аду. Ну, конечно, это не совсем то, чего бы вам хотелось, но тоже жизнь. У вас будут кое-какие развлечения, интересные знакомства, разговоры... а главное, вы сохраните навеки ваше «я». Вы будете жить вечно.

– И страдать? – пугливо спросил человек.

– Но что такое страдание? – брезгливо сморщился черт. – Это страшно, пока не привыкнешь. И я должен вам заметить, что если у нас и жалуются на что-нибудь, так именно на привычку.

– А у вас много народу?

Черт покосился:

– Есть-таки. Да, на привычку. На этой почве, знаете ли у нас недавно вышли крупные беспорядки: требовали новых мучений. А где их взять? Кричат: шаблон, рутина...

– Ужасно глупо! – сказал сановник.

– Да, докажите-ка им. По счастью, наш...

Черт почтительно привстал и сделал подлое лицо; такое же лицо, на всякий случай, сделал и сановник.

– Наш маэстро предложил грешникам: пожалуйста, му-

чайте себя сами. Пожалуйста!

– Самоуправление, так сказать, – отозвался сановник с иронией.

Черт сел и засмеялся:

– Теперь они придумывают. Ну так как же, дорогой мой? Надо решать.

Сановник задумался и, уже веря черту как родному брату, несмотря на его гнусную рожу, нерешительно спросил:

– А как бы вы посоветовали?

Черт нахмурился:

– Нет, это вы оставьте. Я тут ни при чем.

– Ну так я не хочу в ад!

– Ну и не надо. Распишитесь.

Черт положил перед сановником бумажку, довольно грязную, больше похожую на носовой платок, чем на такой важный документ.

– Вот тут, – показал он когтем. – Нет, нет, не там, это – если хотите в ад. А смерть вот здесь.

Сановник подержал перо и со вздохом положил.

– Вам легко, – сказал он укоризненно. – А каково мне? Скажите, пожалуйста, у вас чем мучат главным образом? Огнем?

– Да, и огнем, – равнодушно ответил черт. – У нас есть праздники.

– Да что вы! – обрадовался сановник.

– Да. По воскресеньям и табельным дням полный отдых;

в субботу, – черт продолжительно зевнул, – занятия только от десяти до двенадцати.

– Так, так. Ну, а Рождество и вообще?..

– На Рождество и на Пасху по три дня свободных, да вот еще летом каникулы на месяц.

– Фу-ты! – радовался сановник. – Это даже гуманно. Вот не ожидал! Ну, а если... в крайнем, конечно, случае... подать рапорт о болезни?

Черт пристально посмотрел на сановника и сказал:

– Пустяки.

Сановнику сделалось стыдно; застыдился слегка и черт. Вздохнул и заволок глаза. Вообще видно было, что либо он не доспал сегодня, либо все это смертельно ему надоело: умирающие сановники, небытие, вечная жизнь. На правой ноге к шерсти пристал кусочек сухой грязи.

«Откуда это? – подумал сановник. – И почиститься лень».

– Так. Значит, небытие, – задумчиво сказал человек.

– Небытие, – как эхо, не открывая глаз, отозвался черт.

– Или вечная жизнь.

– Или вечная жизнь.

Долго думал умерший. Там уже и панихиду отслужили, а он все думал. И те, кто видели на подушке его необыкновенно строгое, серьезное лицо, никак не предполагали, что за странные сны развеваются под холодным черепом. И черта не видели. Курился, растворяясь, последний ладан, пахло притушенными восковыми свечами и еще чем-то как будто

пахло.

– Вечная жизнь, – не открывая глаз, задумчиво повторил черт. – Объясни ему получше, что значит вечная жизнь; ты плохо, говорит, объясняешь, – а разве он, дурак, когда-нибудь поймет...

– Это вы про меня? – с надеждой спросил сановник.

– Так, вообще. Мое дело маленькое, но как посмотришь на все на это...

Черт уныло замотал головой. Сановник также в знак сочувствия покачал головой и сказал:

– Вы, видимо, не удовлетворены, и если я, с своей стороны...

– Прошу вас не касаться моей личной жизни, – вспыхнул черт, – и вообще, скажите, пожалуйста, кто из нас черт: вы или я? Вас спрашивают, вы и отвечайте: жизнь или смерть?

И опять думал сановник. И все не знал, на что ему решиться. И оттого ли, что мозг его портился с каждой секундой, или от природной слабости, стал он склоняться на сторону вечной жизни. «Что такое страдание? – думал он. – Разве не страданием была вся его жизнь, а как хорошо было жить. Не страдания страшны, а страшно то, пожалуй, что сердце их не вмещает. Не вмещает их сердце и просит покоя, покоя, покоя...»

...В это время его уже везли на кладбище. И как раз около департамента, где он начальствовал, служили панихиду. Шел дождь, и все были под зонтиками, стекала с зонтиков

вода и поливала мостовую. Блестела мостовая, а по лужам молчаливо топорщилась рябь, – был ветер при дожде.

«Но не вмещает сердце и радости, – думал сановник, уже склоняясь на сторону небытия, – устает оно от радости и просит покоя, покоя, покоя. У меня ли одного такое тесное сердце, или же так и всем на роду написано, но только устал я, ах, как я устал». И вспомнил он недавний случай. Это было еще до болезни. И собрались у него гости, и было почетно, весело и дружелюбно. Очень много смеялись, а особенно он, – раз даже до слез рассмеялся. И не успел он тогда про себя подумать: «Какой я счастливый», – как вдруг потянуло его в одиночество. И не в кабинет и не в спальню, а в самое одинокое место, – вот и спрятался он в то место, куда ходят только по нужде, спрятался как мальчик, избегающий наказания. И провел он в одиноком месте несколько минут, почти не дыша от усталости, предавая смерти дух и тело, общаясь с нею в молчании таком угрюмом, каким молчат только в гробу.

– А ведь надо поторопиться, – сказал черт угрюмо. – Скоро и конец.

Лучше бы он и не говорил этого слова: конец. Совсем было отдался сановник смерти, а при этом слове воспрянула жизнь и завопила, требуя продолжения. И так все стало непонятно, так трудно для решения, что положился сановник на судьбу.

– Можно подписать с закрытыми глазами? – боязливо спросил он черта.

Черт искоса поглядел на него, качнул головой и сказал:
– Пустяки.

Но, должно быть, надоело ему возиться, – подумал, вздохнул и снова разложил перед сановником смятую бумажку, больше похожую на носовой платок, чем на такой важный документ. Сановник взял перо, стряхнул чернила раз, другой, закрыл глаза, нащупал пальцем место и... Но в последний момент, когда уже делал росчерк, не вытерпел и взглянул одним глазом. И крикнул, отшвырнув перо:

– Ах, что же я наделал!

Как эхо, ответил ему черт:

– Ах!

И заахали стены и потолок, стали сдвигаться, ахая. И захохотал черт, уходя. И, чем дальше он уходил, тем шире становился его хохот, терял отдельность, раскатывался страшно.

...В это время сановника уже зарывали. Мокрые, слипшиеся комья тяжело грохались о крышку, и казалось, что гроб совсем пуст, и в нем нет никого, даже и покойника, – так широки и гулки были звуки.

23 апреля 1911 г.